

Издательская деятельность Константина Олимова

Содержание.

1 Введение.....	2
2. Участие в «Его».....	3
3. Участие в изданиях Игнатъева.....	5
4. Самостоятельная издательская деятельность.....	6
5. Отношения с аудиторией.....	9
Выводы.....	12
Список использованной литературы.....	12

Введение.

Европейский культурный кризис начала XX века — по О. Шпенглеру, «закат Европы» — вызвал к жизни контркультуру, одним из замечательных проявлений которой стал футуризм. Новая идеология, эффектно реализовавшаяся в разных областях художественного творчества, разнообразно запечатлелась и в издательской сфере. Русский футуризм, одно из наиболее оригинальных и мощных ответвлений европейского эстетического авангарда, заметным образом преобразил существовавшую к тому времени печать Российской империи. И в значительной мере это было определено именно консерватизмом и кризисным состоянием базовой русской издательской культуры.

Литературная деятельность футуристов в предреволюционный период представляет собой во многих отношениях новое для России явление. В весьма значительной мере она основывалась на «авторском», индивидуальном издательстве (аналогичном широко распространенному к тому времени на Западе «самоиздательству»), — которое при этом нередко осуществлялось от имени какого-либо коллектива или под маркой какой-либо издательской институции. К подобным имитациям следует отнести большинство так называемых «футуристических издательств» — «Петербургский глашатай» И. В. Казанского (Игнатьева), «Его» И. В. Лотарева (Игоря Северянина), «Очарованный странник» В. Р. Ховина, «Мезонин поэзии» » «Плеяда» В. Г. Шершеневича, «Лирика» и «Центрифуга» С. П. Боброва, «Журавль» и дом на Песочной» М. В. Матюшина, «ЕУЫ» А. Е. Крученыха, «Стрелец» А. Э. Беленсона, «Лирень» Г. Н. Постникова. «ОМБ» О. М. Брика и некоторые другие.

Одной из заметных фигур русского авангардного книгоиздательства начала XX века был Константин Константинович Фофанов (более известный под псевдонимом Олимпов, 1889 — 1940), сын знаменитого на рубеже веков поэта К. М. Фофанова. Он участвовал в нескольких футуристических

литературных проектах. Ц его опыт в издательской сфере, безусловно, заслуживает особого внимания.

2. Участие в «Его»

Под маркой «издательства» «Его» был выпущен целый ряд эгофутуристических изданий. Вопреки утверждению участника эгофутуристического движения и его первого историографа И. В. Казанского (Игнатьева), регулярного издательского предприятия с таким названием не существовало в природе. Это был индивидуальный проект И.В. Лотарева (Игоря Северянина), основоположника русского футуристического книгоиздания. Было изготовлено типографское клише «Его», и в течение некоторого времени по разрешению Северянина это клише ставилось на печатной продукции, самостоятельно выпускавшейся авторами, группировавшимися тогда вокруг него,— как знак их принадлежности к определенному литературному клану.

Группа «Его» заявила о себе осенью 1911 г. Северянин впоследствии говорил, что «вселенский эго-футуризм» основан им в ноябре, по утверждению же Олимпова, кружок образовался еще в октябре 1911 г. Однако, как справедливо отметил один из исследователей вопроса, этот коллектив поэтов формировался в течение ряда лет и в общем определился уже около 1909 г. Осенью же 1911-го имевшийся кружок лишь принял самоназвание «эгофутуристы» и приступил к пропаганде своего направления различными способами, в том числе через публикации. При этом адресом мифического издательства назывался домашний адрес Северянина.

Поскольку как эгофутурист Северянин сложился под влиянием старшего Фофанова (с которым познакомился 20 ноября 1907 г), он был, естественно, близок и с его сыном. Поэтому Олимпов смог сразу примкнуть к затее Северянина.

Марка «Его» впервые появилась в ноябре 1911 г.— в 32-й по сквозной нумерации брошюре Северянина «Пролог „Эго-Футуризм“: Поэза-грандиоз».

Это был, по признанию Игнатъева, «первый боевой снаряд» нового движения. Согласно этому же свидетельству, он «вызвал переполох необычайный», «ежедневники и еженедельники хрипели до остервенения». Кроме эпатажа консервативной публики, выход в свет первого издания «Его» имел и важное организационное значение: группа Северянина нашла новых единомышленников,— с выхода в свет «поэзы-грандиоз» началось сотрудничество северянинцев с группой Игнатъева ".

После этого — в декабре 1911 года — под маркой «Его» вышла первая книга стихов Г. В. Иванова «Отплыть на о.Цитеру: Поэзы», - она была напечатана попечением старшей сестры начинающего поэта. Н. В. Ивановой". Первые издательские успехи, а затем праздники Рождества Христова и Нового года (связанные с неумеренным употреблением алкоголя) дали мощные импульсы дальнейшим издательским и организационным инициативам этой группы.

17 января 1912 г. под маркой «Его» была выпущена тиражом в 500 экз. листовка "Скрижали», объявлявшая о создании «Академии эгопоэзии» и подписанная Северяниным, Олимповым, Ивановым и Граалем Арельским. Современный наблюдатель констатировал, что «Скрижали» «Академии эгопоэзии», несмотря на малый объем, являются действительно программным изданием, в котором «точно и обстоятельно заключается credo эго-футуризма»". Позднейший комментатор иначе оценил это издание эгофутуристов: «Несмотря на пышную фразеологию этой декларации, в ней нельзя обнаружить ни четкой литературной программы, ни определенной философской концепции. Основное положение эго-футуристов — культ собственной личности — было заимствовано ими из идеологического арсенала символистского видоизмененного примитивного солипсизма».

Можно утверждать, однако, что недостаточная теоретическая основательность эгофутуристического манифеста (если она действительно имела место) с лихвой была компенсирована решительностью и предприимчивостью авторов этого издания. Они оперативно распространили свою листовку по редакциям газет и журналов многих городов Империи.

Впоследствии (в 1930 г.) Олимпов официально зафиксировал основные вехи своей биографии: «Занимаюсь поэтическим творчеством с 1908 г. Печататься начал с 1911 г., главным образом на свои средства». Можно утверждать во всяком случае, что его первые публикации, выпущенные под маркой «Его», оплачивались им самим.

Первым «нервником» новообразованной «Академии эгопоэзии» стала листовка «Аэропланные поэзы» Олимпова, вышедшая в марте 1912 г. За этим последовали сборники Северянина «Качалка грёзэрки: Поэзы» и «Очам твоей души: Поэзы». Еще с февраля в печати анонсировался готовящийся выпуск газеты «Футура» (издания «Академии эгопоэзии»),— но издание не состоялось. В марте 1912 г. было объявлено, что «на днях» поступит в продажу «нервник 11-й» (или «кровь вторая») Олимпова — «Фиургия» — и его же «кровь третья» — «Исповедь футуриста»,— ноне получилось и это. Заявлялось также, что издательство «Еξο» готовит к печати книгу К. М. Фофанова «Поэзы Игорю Северянину», очередной сборник поэт Северянина «Эlegantные модели», его же «Полное собрание поэт», состоящее из трех томов; под маркой «Его» собирался издать вторую книгу своих поэт Г. В. Иванов. Был анонсирован и альманах «Его» — с поэтами Северянина, Грааля Арельского, Иванова, Олимпова, И. С. Лукаша (Оредежа) и некоторых других авторов».

Все эти планы не осуществились, так как вскоре группа распалась.

Важным обстоятельством, повлиявшим на судьбу группы «Его», была поддержка ее (с осени 1911 г.) влиятельным В. Я. Брюсовым. Ветеран русского символизма с большим интересом относился к творчеству Северянина, называл его «главой русского футуризма» и предрекал ему большое будущее. Олимпов, также имевший знакомство с Брюсовым, но не вызывавший у него интереса, очень ревниво относился к успехам своего коллеги и претендовал на лидирующее положение в группе. Амбициозный Олимпов страдал, тем более, что Северянин действительно порой допускал бестактности по отношению к нему, Чашу терпения

Олимова переполнило то, что ранней осенью 1912 г, Северянин выпустил издание под названием «Доктрины», в котором заявлял о своем праве считаться основателем эгофутуризма. Уязвленный Олимпов отреагировал выпуском в свет листовки — открытого письма, которое было разослано по редакциям периодических изданий. В тексте этой «Хартии» содержались обвинения Северянина в узурпации титула основателя эгофутуризма и утверждения, что идеологом и организатором движения был все-таки Олимпов. Оскорбленный Северянин выступил с новой листовкой — «Открытым письмом»,— где порицал конкурента за клевету и давал понять, что вообще эгофутуризм для него более не актуален

16. Олимпов не растерялся и издал листовку «Декларация», с подтверждением заявленной прежде позиции. Северянин в ответ опубликовал в «Биржевых ведомостях» открытое письмо, где заявил, в частности, о выходе из кружка «Его» и вообще из эгофутуристического движения, мотивировав это, между прочим, нежеланием печататься впредь вместе с Олиповым. Помимо этого, Северянин издал поэтическую брошюру «Эпилог „Эго-Футуризм“», где высказался по поводу своего решения.

Все это имело тем большее значение, что к моменту конфликта Северянин и Олимпов оставались последними из инициативной четверки участниками объединения, сохранявшими ему верность: Иванов и Грааль Арельский вышли из «Его» еще весной 1912 г.

Когда произошла распря с Олиповым, Северянин решил самолично «ликвидировать издательство». Это, однако, оказалось не так просто осуществить: Олимпов завладел типографским клише «Его» и начал издавать свое творчество под этой маркой.

3. Участие в изданиях Игнатьева

Олимпов сотрудничал на издательской ниве и с другим лидером эгофутуризма упомянутым выше Игнатьевым.

В течение некоторого времени Олимпов числился сотрудником газеты «Петербургский глашатай»,— точнее, членом ее «Дирекции», бывшей, как считалось, коллективным руководящим органом этого издания. Постоянное участие в заседаниях «Дирекции» принимали также Северянин, Грааль-Арельский, Г. В. Иванов, Д. А. Николаев (Дорин), Лукаш, Петр Ларионов (Перунчик) и, конечно, сам Игнатъев. Собрания обычно происходили дома у последнего и сопровождались неумеренным употреблением горячительных напитков. Таким образом, в действительности »Дирекция» выполняла, фактически, лишь декоративные (для публики) функции, по очевидным причинам не обладая способностью быть рабочим органом.

В начале 1912 г., перед тем, как выпустить первый номер «Петербургского глашатая» в свет, Игнатъев устроил шумную презентацию в ресторане «Вена» (угол Гороховой улицы и улицы Гоголя (бывшей Малой Морской)). На этом банкете присутствовал и Олимпов. Впоследствии Игнатъев печатал его и в «Петербургском глашатае», и в других периодических изданиях, к работе которых имел отношение, (в частности, в принадлежавшей его родственнику в Нижнем Новгороде В. П. Успенскому газете «Нижегородец» (1911—1914)). Печатались тексты Олимпова и в альманахе «Петербургского глашатая» (1912—1914). После скандала с Северяниным в конце 1912 г. Олимпов разорвал было отношения и с Игнатъевым. и тому пришлось затем (весной 1913 г.) уговаривать коллегу не бойкотировать «Петербургского глашатая»¹⁵. Путем печатного осуждения Северянина (в сборнике «Засахаре кры»), сложной дипломатии и трат на ликерные «возлияния» Игнатъеву удалось вернуть Олимпова к сотрудничеству. В июне 1913 года был заключен договор на издание его сборника поэз «Исповедь футуриста». В июле под маркой «Петербургского глашатая» вышла брошюра Олимпова «Жонглеры-нервы», включившая все опубликованное им ранее. Беря реванш за прошлые обиды, поэт стал печатать в игнатъевском альманахе свое творчество под знаком «Его». Кончилось все подлинным торжеством Олимпова: на обложке последнего, девятого альманаха был напечатан его

портрет работы И. Е. Репина^{4В}.

В отличие от северянинского проекта, где основную часть расходов на свои публикации Олипову приходилось нести самостоятельно, «Петербургский глашатай» предоставлял поэту гораздо более выгодные условия и даже давал некоторый заработок.

4. Самостоятельная издательская деятельность

Участие Олипова в чужих издательских предприятиях имело вполне эпизодический и вынужденный характер. Он участвовал в них, когда ожидал от этого какой-либо практической выгоды для себя лично. Но поскольку существенных доходов от сотрудничества с Северяниным и Игнатьевым Олипов не получал⁵, морального удовлетворения — тоже, ему приходилось заниматься самостоятельной издательской деятельностью. При этом, в отличие от Северянина и Игнатьева (которые издавали и чужие тексты), он был гораздо более последователен в своем эго футуризме: печатал только себя.

После выхода в свет — под маркой «Его» — листовки «Аэропланная поэзия: Нервник I» и — под маркой «Петербургского глашатая» — сборничка «Жонглеры-нервы», Олипову удалось напечатать несколько своих произведений совершенно самостоятельно.

Впоследствии поэт не прекращал попыток выпускать свои сочинения. В период НЭПа (в 1921—1922 гг. когда появилась легальная возможность частного издательства) он принял участие в «Колце поэтов имени К. М. Фофанова», — литературном предприятии, организаторы которого строили обширные издательские планы, но не преуспели в их осуществлении. В начале апреля 1922 г. Олипов выпустил в Петрограде антирелигиозную листовку «Анафема Родителя Мироздания: (Проститутам и проституткам)», — под маркой издательства «Аббатство гаеров», — после чего имел некоторые проблемы с цензурой. Несколько позднее, в начале октября, также в Петрограде, но уже под маркой «Руины неба», он отпечатал тиражом 500 экз.,

небольшую брошюру «Третье Рождество Великого Мирового Поэта Титанизма Великой Социальной Революции Константина Олимова, Родителя Мироздания». На этом издательская активность Олимова перестала быть результативной.

На протяжении своей жизни в издательской сфере Олимов пользовался услугами разных типографий. Поскольку эстетом он не был, и качество печати не имело для него существенного значения, в выборе полиграфических заведений для размещения своих заказов Олимов всегда руководствовался единственным соображением: искал дешевизны. Его публикации, осуществленные при поддержке Игнатьева, изготавливались в столичной типографии товарищества «Свет» (Невский проспект, 136). То, что Олимов выпускал сам, он печатал в несколько (или даже значительно) более дешевых полиграфических заведениях: типографиях «Улей» Х.И. Кофкова и Ш. С. Рутштейна (Кирпичный переулок, 3, угол Морской улицы), Д. А. Алексева (Вознесенский проспект, 9-2), С. Л. Кинда (Казанская улица, 44). Одну из листовок — «Эпоха Олимова» — поэт издал в рижской типографии Б. Серенсен и К°. В советское время он печатался в типографии при политотделе Увузпетво (Управления высших учебных заведений Петроградского военного округа) (Васильевский остров, Съездовская линия, 5).

5. Отношения с аудиторией

В. Ф. Марков, оценивая печатную продукцию Олимова, заключил, что она представляет гобой результат его душевной болезни. По-видимому, это не совсем верно: хотя Олимов и имел некоторые ментальные проблемы и страдал наследственным алкоголизмом, объяснять его литературные и издательские достижения исключительно этим — значит исказить реальную картину. Поэт последовательно шел в искусстве своим собственным путем, его творчество было осознанным, концептуально самостоятельным и вполне уникальным, — надо признать, что оно существенно расширяло представления современников о возможностях литературы и вообще

искусства. Олимпов имел не только осмысленную литературную позицию и соответствующую ей стратегию, но и использовал весьма рациональные тактики в отношениях с коллегами и аудиторией. Это было отважное поведение, так как в большой степени было направлено на конфронтацию и эпатаж — как публики, так и коллег, начиная от выбора поэтом псевдонима и кончая немислимыми ценами на его изданиях, скандалом с обвинениями Северянина в плагиат и эксцентричным поведением в обществе. Олимпов был радикально левым среди эгофутуристов, и его деятельность нередко выходила за пределы понимания соратников. Если до кончины Игнатьева Олимпов еще примыкал к эгофутуристическим объединениям (хотя и не бесконфликтно), то начиная с 1914 года и вплоть до ранних 1920-х его литературно-издательская деятельность развивалась в практической изоляции от всех группировок. Любые попытки современников идентифицировать Олимпова как участника какого-либо творческого коллектива воспринимались им резко негативно и решительно отвергались.

В отличие от многих сподвижников по эгофутуризму, Олимпов не декларировал своей политической индифферентности, и его печатная продукция, несмотря на ее внешне «надреальное» содержание, вполне адекватно фиксировала колебания политической конъюнктуры.

О жесткой ориентации Олимпова на интересы современной ему аудитории говорит тот факт, что всю свою печатную продукцию он распространял по редакциям периодических изданий и среди популярных литераторов. При этом он не делал различия по политической, эстетической или жанровой специализации адресата. Так, «Эпоха Олимпова» была разослана (с 30 апреля по 14 июня 1914 г.) по 130 адресам, «Исход Родителя Мироздания» разошелся (с 4 января по 19 февраля 1917 г.) по еще большему количеству адресов.

Олимпов отправил экземпляры своего издания в 142 места. Еще более пространным был список адресатов «Паррезии Родителя Мироздания»: с 20 по 28 сентября 1917 г. Олимпов разослал эту листовку по 167 адресам. На этот раз поэт отправил свое издание не только ведущим литературным

критикам и редакциям газет и журналов (география и ориентации которых были самыми разнообразными), но и —десяток экземпляров — Всероссийскому Церковному собору, заседавшему в то время в Москве —, чем вновь подтвердил свое намерение не отставать от процессов, идущих в стране. В пореволюционный период Олимпов активно продолжил общественно-политические усилия разного рода, в частности, широко применяя апробированную ранее тактику тотальной рассылки тиражей своих изданий. «Анафему Родителя Мироздания» он разослал с 6 апреля по 27 сентября 1922 г. по 47 адресам в Петрограде, Москве, Баку, Гомеле, Ростове-на-Дону, Риге, Берлине, Флоренции и других городах страны и мира. «Третье Рождество» было распространено с 7 октября по 9 ноября 1922 г. по 114 адресам в Петрограде, Москве (среди прочих адресатов были В. И. Ульянов (Ленин), Л. Д. Бронштейн (Троцкий), А. В. Луначарский), Ростове-на-Дону, Гомеле, Баку. Костроме. Архангельске, Харькове, Киеве, Риге, Ревеле, Берлине и других городах в советской России и за границей.

Таким образом, можно видеть, что почтовые расходы Олимпова составляли весьма значительную, если не большую часть его общих расходов, связанных с издательской деятельностью. Распространение литературы не только не компенсировало его первоначальных, типографских затрат, но и существенно увеличивало их. В отличие от парвеню Северянина и Игнатьева, имевших необходимые им средства для издательских опытов, потомственный свободный художник и алкоголик Олимпов был вынужден тратить на рассылку своих листовок последние деньги, и по причине их хронической нехватки процесс этот затягивался иногда на месяцы.

Тем не менее, тратиться на почтовые услуги имело, как он считал, прямой смысл.

Выводы

Творческий радикализм Олимпова эпатировал консервативную публику, и та неизменно негативно реагировала на его публикации и устные выступления. Положение литературного изгнанника, впрочем, не только устраивало, но и намеренно создавалось Олимовым, всеми возможными средствами крепившим свою репутацию юродивого.

Список использованной литературы.

Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек / Б.Ф.Володин. – СПб.: Профессия, 2002. – 352 с.: ил. – (Серия: Библиотека).

Книжное дело в России в 19 – начале 20 века: сб. науч. трудов. Вып. 11. / РНБ. – СПб.: РНБ, 2003. – С.39-60

Шапошников А.Е. История чтения и читателя в России (IX-XX вв.): учебно-справочное пособие для библиотек всех систем и ведомств. – М.: Либерия, 2001. – 80 с.